

Синеокий О.В.
ст. преподаватель кафедры истории
и теории государства и права
юридического факультета ЗНУ

УДК: 343.13:347.72:347.965

"ТЕНДЕНЦИОЗНОЕ" СЛЕДСТВИЕ И "ЗАКАЗНЫЕ" УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА, РЕЙДЕРСТВО И АДВОКАТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ...

[ЭССЕ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ]

Известно, что понятие репрессии в бытовом употреблении ассоциируется с такими словами, как подавление, утешение, преглястие чему-либо, сопротивление (отпор). В качестве репрессии рассматривается также ущемление возможностей человека, отражающееся в неравном соотношении между властью и подвластными структурами. До сегодняшнего дня в законодательстве отсутствуют точное определение понятия состязательности сторон. А отсутствие на досудебном следствии состязательности является причиной некачественного следствия. Поэтому, до тех пор, пока стороны в уголовном процессе на досудебном следствии не будут равными в своих правах, до тех пор органы следствия будут покушаться на нарушение закона, при этом каждый раз мотивируя такие действия интересами государства. Деятельность по возбуждению, расследованию и рассмотрению уголовных дел не может иметь успех, если все функции, которые необходимы для ее осуществления, предоставлены одному органу.

Оригинальным исследованием в этом отношении является монография Е.Б. Мизулиной, в которой автор последовательно раскрывает проблему фактического совмещения основных процессуальных функций в руках одного субъекта - государства [1].

Поэтому противоестественное соединение воедино функций обвинения, защиты и разрешения уголовных дел, является одним из проявлений реакционности государства, поскольку превращает органы правосудия в органы расправы [2, с. 123]. О. Литвак определяет систему криминальной юстиции, которая выполняет "принудительные меры контроля над преступностью" [3, с. 104]. Однако противоестественное объединение в одном лице функций обвинения и разрешения уголовных дел, как указывает В. Малащенко, является одним из видов реакционности государства, поскольку превращает органы правосудия в органы расправы [4, с. 15]. Другие отмечают, что "только функция обвинения двигает уголовный процесс". При этом

указывая, что производными обвинения есть не только функция защиты, но и правосудия [5, с. 58]. То есть квалифицированному обвинению противопоставляется квалифицированная защита. Рассуждая дальше, получается: если обвинение не достаточно квалифицировано, то и защита может быть так себе.

Мы не согласимся с этим, а считаем, что современный социальный механизм требует как раз обратного, что называется "наоборот": чем лучше защита (заметим, что она репрессивных рычагов не имеет по определению!), тем она больше поджестит обвинение быть лучшим, более квалифицированным. Но для этого нужны хотя бы равные процессуальные права, т.к. о равенстве организационных возможностей нами даже не упоминается. Поскольку органы уголовного преследования при осуществлении своих полномочий как представители государственной власти действуют направленно на выявление преступлений и применяют уголовно-процессуальные меры в отношении отдельных лиц, то их функции также характеризуются как репрессивная деятельность. Спектр такой деятельности довольно широк, начиная с вмешательства в права на информационное самоопределение (наблюдение, наружное наблюдение, кольцевой розыск), обыска лиц и квартир, изъятия предметов доказывания, вмешательства в тайну телеграфной и почтовой связи и кончая задержанием и арестом [6, с. 270-271].

"Мягкие" формы социального контроля за правоохранительной деятельностью являются в значительной мере "скрытой, замаскированной" репрессией, которая под воздействием таких способствующих факторов "вырастает" и через определенное время или в определенно обозначенный период (например, выборы) становится "взрослой репрессией" [7, с. 52-60].

Правоохранительная деятельность разрабатывается коллективно, в границах демократических и гуманистических институтов и принципов, оформляется в нормативно-правовых, управленческих, оперативных и процессуальных решениях и только после этого воплощается на

практике. Поэтому контроль общества за преступностью отстает от темпов и масштабов ее роста, что проявляется в следующем: 1) в отставании и неадекватности уголовного и другого законодательства, на основе которого ведется борьба; 2) в недостаточных возможностях правоохранительных органов совладать с преступностью, которая интенсивно возрастает; 3) в слабости криминологических стратегий предупреждения преступлений; 4) в отрыве прогнозов от стратегий криминальной политики страны. Если экономическая преступность имеет свои корни в сфере экономики, в противоречиях хозяйственного механизма, а также в негативных обычаях и традициях экономического сознания, то политическая - в борьбе за власть, в античеловеческих политических нормах, обычаях (национализм, шовинизм, фашизм). Как отмечает О. Старков, преступное поведение сотрудников правоохранительных органов это другая сторона самой преступности [8, с. 86]. Парадокс состоит в том, что это преступность в сфере борьбы с преступностью. Общество, специально создавшее слой людей, поставленных на борьбу со злом, рассчитывало на то, что уж эти-то люди не будут совершать преступления. Однако заблуждение относительно преступности как явления, стоящего особняком от общества, что есть какие-то "отмеченные печатью зла" люди, удел которых совершать преступления, и есть те, кто борется со злом, сам не совершая преступлений, оказался, может быть, самым разочаровывающим. Создав органы по борьбе с преступностью, человечество одновременно вынуждено было защищать себя от преступлений охранителей порядка и законности. Поскольку работники правоохранительной системы наделены властными полномочиями, как и не имеют многие должностные лица, то преступность их не только специфична, но и во многих случаях более болезненно отзывается на функционировании государственного и общественного организма, правах и свободах личности.

Сегодня криминальные лидеры содержат высококвалифицированных специалистов для разведывательной и контрразведывательной работы, в том числе бывших сотрудников правоохранительных органов, которые профессионально отработавшую высокую зарплату у своих покровителей [9, с. 35]. На "звонке" и постоянном содержании у таких лиц и структур обязательно имеются так называемые "черные адвокаты" (подробно на типах криминальных

адвокатов мы остановимся ниже). Об уровне размаха коррупции в правоохранительных органах, как на протяжении последних лет, говорить не приходится, хотя это отмечают даже в научной литературе уже много лет. Тогда как эмпирические материалы свидетельствуют, что руководители оперативных подразделений не имеют четких обоснованных рекомендаций по контролю за соблюдением законности, прав и свобод человека в негласной работе [10].

Для противодействия коррупции в правоохранительной системе практически значимыми являются затронутые в этом разделе вопросы о механизме коррупционных процессов, "заказных" технологиях и условиях их реализации, конкретных приемах, используемых следователями и оперативными службами. Ответы на них позволят разоблачить и уточнить методику выявления этих негативных тенденций, которые в последние годы только открыто усилились, предложить обоснованный комплекс профилактических мероприятий на микро- и макро-уровнях.

Рассмотрим далее реализуемые в следственной практике незаконные приемы, обеспечивающие уход от уголовной ответственности или смягчение ее для лиц, в судьбе которых следователь заинтересован под влиянием прямого или опосредованного "государственного заказа", тривиальной взятки или иных обстоятельств.

Наибольшее распространение получили (и являются наиболее "эффективными") вынесение необоснованных и преждевременных процессуальных решений, либо принятие надлежащих решений: а) отказ в возбуждении уголовного дела (по реабилитирующим или не реабилитирующим основаниям); б) прекращение уголовного дела (по реабилитирующим или не реабилитирующим основаниям); в) более мягкая квалификация содеянного чем та, которая возможна при точном следовании закону; г) фиксация не всех эпизодов преступной деятельности.

Во всех перечисленных случаях юристская и иная личная заинтересованность следователя маскируется (вольнo или невольнo) тем, что следователи по схожим материалам и уголовным делам зачастую принимают аналогичные процессуальные решения. Однако, обычно это происходит под воздействием иных факторов и побуждений: недостаточного уровня профессиональной подготовленности, стремления снять нагрузку, избавиться от сложного дела или от дела с вероятно негативными последствиями

для следователя (в качестве таковых, например, может быть расценена перспектива повышенного внимания к делу прессы, угроза подвергнуться незаконному давлению заинтересованной стороны), и др [11].

Кроме того, следует указать и иные приемы, используемые следователями для незаконного увода подследственных от ответственности или ее смягчения: 1) волокита при расследовании уголовного дела, умышленное затягивание следователем сроков расследования, несвоевременное принятие процессуальных решений. Как известно, следы "остывают", и обычно время работает на подследственного. Кроме того, промедление с проведением следственных действий (например, с обыском, экспертизой) позволяет подследственному и его сообщникам заблаговременно уничтожить доказательства, с избранием меры пресечения - скрыться от следствия и суда, с иными мерами процессуального принуждения - укрывать имущество, на которое может быть обращено взыскание по гражданскому иску или по приговору суда о конфискации и др.; 2) преждевременное умышленное уничтожение, а равно изменение или полная утрата вещественных доказательств, собранных по уголовному делу. Как возможный результат - подрыв доказательственной базы, недостаточность доказательств для направления дела в суд с обвинительным заключением; 3) умышленные нарушения следователем требований уголовно-процессуального законодательства, которые при их выявлении в ходе судебного рассмотрения могут повлечь признание части доказательств, собранных по делу, недопустимыми и, в конечном итоге, привести к частичному или полному оправданию подсудимого в судебном заседании или к возвращению уголовного дела для дополнительного расследования с последующим прекращением. При этом нарушения "подбираются" таким образом, чтобы, с одной стороны, они не были заметны при беглом ознакомлении с материалами уголовного дела (а потому обычно и не замечаются руководителями следственных подразделений и прокурорами при осуществлении функций контроля и надзора). С другой стороны, реализуя данный прием, следователь оставляет свой выбор на типичных нарушениях, которые обычно объясняются невнимательностью, возникшей в результате перегрузок и усталости, недостаточным профессионализмом и т.п. Тогда при их обнаружении вопрос о строгой ответственности не возникает

Наряду с изложенным все чаще практикуются приемы противоположной направленности, для оказания уголовно-правового и уголовно-процессуального давления на лиц, от которых следователь в силу различных причин ("заказ", корысть, карьера, месть и пр.) желает добиться определенного поступка (уступки конкурентам, выплаты долга кредиторам, ухода с большой или малой, региональной политической арены и пр.).

Среди этих приемов нужно назвать такие: 1) возбуждение уголовного дела в отношении лиц, на которых необходимо оказать давление, или в отношении их близких; 2) наложение ареста на имущество вышеуказанных лиц под предлогом обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества; 3) заключение под стражу или применение другой меры пресечения (подписка о невыезде, залог и пр.) к вышеуказанным лицам; 4) применение иных мер процессуального принуждения в отношении вышеуказанных лиц [12, с. 15-16].

На таких видах организованных форм как преступный альянс адвоката со следователем и прокурором мы останавливались выше при рассмотрении типологии адвокатов-нарушителей. Поэтому, рассматривая в этой части работы общие черты "тенденциозности" уголовных дел, дополнительно можно назвать такую достаточно крепкую связку как альянс следователя с оперативными работниками. Этот тандем приносит высокую эффективность, поскольку главным стержнем его является грубая физическая сила или принуждение, внешне укрытое полупроцессуальным покрывалом. Отметим, что потребность в такого рода альянсе по нашим наблюдениям испытывают не только имеющие коррупционные или политико-финансовые установки следователи, но и оперативные работники, причем примерно в равной мере: милиции и налоговой милиции, а СБУ - несколько меньше (видимо ввиду остатков исторических традиций). Но именно оперативные работники всех вышеуказанных служб чаще всего и выступают как инициативная сторона. Подобные альянсы зачастую имеют глубокие корни, для упрочения которых необходимо принять во внимание такие криминально-экономические явления, как "крышевание", "наезды", "заказные" уголовные дела. Здесь целесообразно дать два пояснения.

1. С середины 90-х гг. XX века в сфере отечественного предпринимательства получили распространение "красные крыши". "Крыша" - это

влиятельное лицо или группа лиц, которые оказывают неофициальную поддержку (прикрытие) при осуществлении бизнеса предпринимателю или коммерческой структуре. Если "крышуют" сотрудники правоохранительных органов, то в криминальной и предпринимательской среде говорят о "красной крыше" (в противовес "крышам" откровенно бандитским, - "синим" [13]). Среди различных функций "крыши" - противодействие конкурентам и их подавление, разрешение в пользу "крышуемого" споров с партнерами, защита от криминального и иного препятствующего бизнесу воздействия.

Соответственно, работники "силовых" ведомств, "крышующие" определенного предпринимателя, заинтересованы в возбуждении и наступательном расследовании уголовных дела в отношении конкурентов и неисполнительных должников предпринимателя, а равно в прекращении уголовных дел, возбужденных как против "своего" предпринимателя, так и против его конкурентов, но только после выполнения последними нужных действий.

2. Некоторые оперативные работники (чаще всего из подразделений по борьбе с экономической преступностью) специализируются на предоставлении противоправных услуг по проведению "наездов" на нежелательных заказчикам предпринимателей. Наиболее эффективным средством при таком "наезде" является возбуждение уголовного дела в отношении нежелательных лиц (в примитивном виде это может выглядеть как подбрасывание взятки, запрещенных предметов к обороту наркотиков, оружия и т.п.), применение к ним мер процессуального принуждения, вплоть до взятия под стражу, а также изъятия или наложения ареста на имущество и др. Примеры очевидны: все резонансные полуполитические уголовные дела "оранжевого" периода до первого полуразпада. После чего наблюдалось значительное снижение динамики "государственного заказа" на лозунг "Бандитам - тюрьмы!". Возникли серьезные, причем слабо разрешаемые в существующем правовом поле проблемы, связанные с прочтением и толкованием первого слова в приведенном выше последнем лозунге. В общем, с бандитами запутались, а исполнители "заказных" уголовных дел остались в тех же погонах.

Во всех этих случаях оперработники нуждаются в содействии следователя, который возбуди бы по собранному или материалу

уголовное дело, придерживаясь при расследовании желательной оперативникам тактики, в нужный момент приняв по уголовному делу то или иное процессуальное решение. Но для выполнения этой задачи недостаточно иметь одного "приморщенного" следователя, а посету оперработники вынуждены регулярно искать контакты с новыми следователями, поскольку, исходя из принципов территориальности, специализации и др., конкретному следователю подследственны не любые, а лишь дела определенных категорий.

С целью такого важного аспекта как фальсификация доказательств укажем еще одну опасную связку: следователь-эксперт, которая позволяет реализовывать обозначенные выше приемы подрыва доказательственной базы уголовного дела либо ее укрепления - в зависимости от того, в каком решении по делу существует интерес "силовиков". Так, по просьбе следователя эксперт может уклониться от дачи категорического заключения по результатам проведенной им экспертизы, хотя для однозначного ответа имелись объективные основания, или ответить категорично там, где эти основания недостаточны, и тем самым ослабить или нейтрализовать нежелательные улики, либо сформировать, усилить желательные. Кроме того, возможны и более грубые нарушения, прямая фальсификация экспертом поступивших на экспертизу материалов.

Более сложные и более опасные образования возникают при альянсе руководителя следственного подразделения с некоторыми из своих подчиненных, а также различные союзы всех перечисленных выше пар, соединения их в цепочку (например, работник прокуратуры - следователь - работник экспертного учреждения), в которой, как правило, центральным звеном является следователь, а крайние звенья могут и не знать о существовании друг друга.

Таким образом, уские общие признаки анатомии "заказов", которые поступали в правоохранительные органы раньше, поступают сейчас и, к нашему глубокому сожалению, вероятно, будут поступать и в дальнейшем, рассмотрим некоторые приемы противодействия, которые адвокаты могут применять по таким делам.

Первое - это то, что права силовых ведомств и защитника в стадии дознания и досудебного следствия неоспоримы, разные и неравные, вот потому их законодатель и не называет сторонами в процессе. Понятие стороны подразумевает действительно их равенство и все

не обязательно по способам достижения цели, а больше - по возможностям ее достижения. Поэтому участие адвоката на стадии досудебного следствия остается формальной фикцией, что в глазах общества должно иметь вид (и это декларируется законом) как соблюдение прав человека на защиту [14, с. 105]. А недобросовестная часть адвокатов вообще скрывает от своих клиентов реальную ситуацию по делу, подыгрывает следователю в его ложных утверждениях, что "все доказано и опираться бессмысленно", а также не разъясняет подзащитному сущности отрицательных для него правовых последствий.

Анализ следственной практики показывает, что подобная порочная практика способствует искусственному вытеснению из уголовного процесса адвоката, препятствует реальному обеспечению защиты прав лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства.

Особого внимания и тщательного изучения требуют уголовные дела, где следователи нарушали принципы законности, имело место искажение юридической картины дела, несостоятельность правовых и фактических решений. Иногда адвокату после первого ознакомления с материалами уголовного дела и беседой с подзащитным не удается установить тенденциозность следствия. Основной задачей таких дел является желание искусственно преувеличить масштаб и значение проведенного расследования.

В последние годы для объяснения подобных дел стал использоваться термин "тенденциозное" следствие. Обратился с энциклопедическим источником "Тенденция и тенденциозность (от лат. *tendo* - направляю, стремлюсь) в искусстве идейно-эмоциональное отношение автора к отображенной действительности, скрытые или непосредственные осмысление и оценка проблематики и характеров, выраженные через систему образов" [15, с. 421]. В более узком значении тенденциозность понимают как социально-политическое, нравственно-идеологическое пристрастие, преднамеренность словых органов, открыто выразившееся в прямом или плохо прикрытом давлении на подставленного или заказанного или обвиняемого. В таких случаях предпочитают все же говорить не о тенденции, а о тенденциозности.

Отметим, что оценка тенденции и тенденциозности в пленные многозначны, хотя приведенные определения и остаются наиболее общезначимыми ориентирами. Думается, что

более конкретным термином будет "заказные" дела, что в стереотипах восприятия ассоциируется в большей степени как раз с противоположной стороной, т.е. не с правоохранительными органами, а с настоящими "бандитами".

Такую тенденциозность адвокат может выявить по характерным деталям желание любыми способами расширить круг лиц, особенно должностных, которые якобы причастны, искусственное увеличение количества выявленных "криминальных" эпизодов, навешивания эпизодов, преувеличения похищенных сумм, явно тенденциозное решение вопросов правовой квалификации действий обвиняемых, привлечение к расследованию большого количества следователей, выятие и приобщение к делу значительного количества документов, которые не имеют значения для дела (договора, счета, выписки, различные удостоверения, переписка, черновые записки и т.п.). Мы уже приводили на страницах учебного издания наиболее характерные черты "тенденциозного" заказного следствия [16, с. 550-551]. Приведем ниже его существенные признаки.

Гиперболизация дела проявляется также в многочисленных повторак паразитных словосочетаний для создания "преступных групп", "стойких преступных групп", "преступных формирований", многократный повтор одних и тех же документов к каждой процессуальной фигуре обвинения, в том числе и к тем, к кому эти документы не имеют никакого отношения. Таким способом создается впечатление "документации", "значимости" дела, копирования "мотивированности" и "масштабности" [17, с. 188-190].

Отметим, что расширенный спектр участия защитника ущемляет возможности следствия для фальсификации доказательств. То есть, хотя бы своим участием, адвокат уже ставит следователя в более формальные жесткие рамки законности. Конечно, в правоохранительной практике этого, к сожалению, не бывает достаточно. Но "детали", полученные без участия адвоката, подчас, особенно в сложных, особо резонансных, "заказных" делах становятся главными изысками обвинения. Практика свидетельствует, что участие защитника может препятствовать в закреплении доказательств, поэтому следователь старается немедленно провести в деле наиболее важные следственные действия: допросить лицо в качестве подозреваемого, предъявить обвинение, воспроизведение, очные ставки [18, с. 11-12].

Защитник отстраняется следователем от участия в деле после направления представления в суд, суд не рассматривает дело в течение продолжительного времени, и обвиняемый на это время лишается возможности на получение помощи от защитника. Отдельно следует учитывать, что постановление судьи об отстранении защиты от участия в деле, обжалованию не подлежит. На практике право на участие защитника следователем формально разъясняется подозреваемому, но в такой формулировке, что задержанный просто не может в такой ситуации понять: как же ему лучше поступить? - Небольшое скептическое замечание о несущественной роли адвоката в следственном и судебном процессе - и все "клиент наш": задержанный добросовестно и "добровольно" отказывается от защитника.

Решение об отказе в даче показаний принимает сам обвиняемый, но обязанность адвоката разъяснить ему, как судебная практика относится к таким случаям. Хотя совершенно иным вопросом является то, что в конкретном уголовном деле тактично оправданным будет избрано линии поведения - молчание. Конечно, считается, что это исключительные ситуации. Но, как следователь в прошлом, я могу ответить, что в ситуации полного молчания обвиняемого достаточно сложно расследовать уголовное дело. Один вариант, если обвиняемый "лепит горбатого", и излагает липовые неправдивые алиби, якобы подтверждающие его непричастность к инкриминируемому преступлению. - В этих случаях, следователь оперативно и гладко процессуально "валит" такие "сказки". А затем со спокойной совестью направляет дело в суд со штампованными формулировками обвинения "с целью воспрепятствования установлению истины по делу, обвиняемый давал неправдивые показания в том, что он ... (короткий пересказ показаний обвиняемого из протокола его допроса), что и было опровергнуто собранными по делу доказательствами (далее весь собранный перечень выполненных следственных действий, которые могут быть и вовсе "нейтральными" и ничего не доказывать)".

Но совсем другое дело, когда обвиняемый все время молчит и не дает показаний. Никаких. Особенно по "гипотич" уголовным делам, где следователь и сам сомневается (если он нормальный человек и еще окончательно не стал беспринципным инструментом, выполняющим партийный "заказ"). А вдруг он в суде такое выкинет, что все рухнет.

Конечно, для этого у арестованного человека должна быть огромная сила воли: промотчать 2-3 месяца, наверняка зная, что дело уйдет в суд. И не просить следователя пойти на компромисс еще на первоначальных стадиях досудебного следствия. На слово следователю верить действительно нельзя. И торговаться с ним, особенно по резонансным делам, не имеет смысла. В таких делах ему только кажется, что он самая важная процессуальная фигура. Но на самом деле, он только солдат. Такие следователи-"солдаты" могут быть трех видов: 1) хорошиш (сошьет дело как пять дач при любом урожае); 2) шлюхиш (я знаю, что мой обвиняемый виновен, но доказать ума не хватает); 3) предателем (с таким можно и торговаться, но желательно в частном порядке с диктофоном в кармане, так сказать, для подстраховки).

Значительная часть следователей уже закрепили в подсознании стереотип, согласно которому участие адвоката в деле может помешать или даже навредить закреплению доказательств. А потому сразу же после такого "добровольного отказа" следователь старается как можно быстрее провести по делу наиболее важные и нужные следственные действия, в том числе и такие, где заранее есть потенциальная угроза подтасовки и фальсификации. Без адвоката в присутствии "своих" понятых и в крайнем случае "своего" прокурора такой риск, например, "не опознания" или "не обнаружения" будет сведен к минимуму. Как говорят "опытные" опера: что значит не сможет опознать? - Если не узнает, будет молчать или просто сомневаться - подскажем или объясним, кто и где должен стоять, а в соответствии с этим и "сидеть"! Такие же мещинские "фокусы" могут встречаться и при проведении обыска, выемок, "добровольной выдаче" и прочем непроцессуальном изъятии.

Эта проблема не разрешается однозначно не только в правоохранительной практике, но также остается дискуссионной и в юридической литературе, хотя, конечно, уже в более мягкой трансляции. Но скелет в шкафу ведь остается. Категорически возражают против возможности таких принудительных процессуальных действий как освидетельствование и участие в экспертном исследовании потерпевших и свидетелей М.С. Дачено, З.З. Зинагуллин, А.Е. Жалинский, В.И. Каминский, Г.Б. Карнович, М.Г. Коршик, С.Г. Любичев, М.С. Строгович [19]. В то же время признают правомерность принудительного

проведения следственных действий по отношению к свидетелям и потерпевшим Ю.П. Аленин, В.В. Леоненко, Н.А. Маркс, Г.М. Миньковский, Т.М. Москальова, Н.М. Савгирова, Ю.Г. Торбин и некоторые другие [20].

В этой связи некоторые авторы предлагают найти процессуальные границы допустимости "вторжения" органов криминальной юстиции в личную жизнь граждан [21, с. 16]. Ряд других ученых, рассматривая такие процессуальные условия, предлагает закрепить в УПК Украины перечень "незаконных мер" проведения следственных (судебных) и процессуальных действий [22].

При определении незаконных мер проведения следственных действий, в первую очередь к ним можно отнести применение пыток. В международно-правовых документах пытки определены как какие-либо действия, с помощью которых человеку умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или моральное, со стороны официального лица либо по его указанию получить от него либо от третьего лица информацию или признаний, наказания его за действия, которые этот человек совершил либо он в них подозревается, а также запугивание или другие лиц (Декларация от 9.12.1975; Конвенция от 10.12.1984 г) [23]. Мы не станем в этой статье детально анализировать эти вопросы, однако, рассматривая проблему защиты по заказным уголовным делам, укажем, что все доказательства, которые были получены с использованием незаконных приемов расследования, должны однозначно признаваться недопустимыми и ни в коем разе не могут использоваться при доказывании. Но, к сожалению, это может остаться неосуществленным лозунгом.

Итак, выделим очевидные признаки "казаного" уголовного дела: 1) смешанная следственная группа (МВД и прокуратура); 2) расследование не по месту выявления преступления; 3) неопределенный орган расследования; 4) неоднократные замены следователей, причем в самые ответственные моменты; 5) отсутствие потерпевших; 6) отсутствие реальных свидетелей обвинения; 7) наличие свидетелей защиты; 8) закрытый судебный процесс по разрешению жалобы на незаконное задержание - нарушение принципа открытости и гласности судопроизводства без каких-либо оснований; 9) постоянные уверения в "криминальности" дела; 10) преступление якобы совершено нескльо лет назад, а дело возбуждают сейчас; 11) подброшенные купюры с липовыми

понятиями; 12) вызывают для допроса по одному делу, а задерживают по другому; 13) нарушено право на защиту - адвоката допускают только через 5 часов; 14) нарушены уголовно-процессуальные нормы, которыми предусмотрен порядок задержания. В результате тенденциозных дел "создаются" обвинительные заключения на сотни страниц, хотя основное содержание можно изложить на 15-20.

При этом формулируются тенденциозные постановления с ходатайствами продления сроков следствия, однозно подаются факты и обстоятельства, придумываются соображения в обоснование необходимости проведения дополнительных следственных действий. К этому, в заангажированных средствах массовой информации активно идет "раскрутка" общественного резонанса дела, подается односторонняя информация с целью создания относительно обвиняемого отрицательного общественного мнения, то есть "черные" технологии. В таких делах в состав следственных групп привлекаются десятки работников, проводится оперативно-розыскная "поддержка", которая выдает "на гора" иногда абсурдные слухи. Это делается с расчетом на то, что суд "не разберется", не преодолеет комплекса искусственно созданной иллюзии "сложности и значения" дела, не захочет противопоставить себя сформированному негативному общественному мнению. Важно учитывать и то, что неправомерное поведение следователя практически невозможно со временем будет доказать. Поэтому в вопросах защиты ни в коем случае нельзя верить "на слово" следователю или прокурору, а общение должно носить исключительно организационно-процессуальный характер и строго в письменной форме.

На страницах юридических изданий в последнее время поднимается проблема психологического воздействия на допросах, которая в действительности существовала с момента появления первых прообразов словесных органов. Указывают два основных подхода к решению этой проблемы: 1) ограничить применение нестандартных методов преодоления противодействия допрашиваемых, где следователю будет отведена роль пассивного регистратора; 2) применение к допрашиваемым лицам разнообразных приемов, которые основаны на лжи и обмане. Отвергая и первый и второй, авторы говорят об использовании следователем "исключительно законных методов психического воздействия, придерживаясь этических норм". То есть в таких работах фактически обосновывается создание "психологических

покушек", которые действуют "в рамках закона и морали" [24]. Так сказать, универсальный "эпиксир правды".

Не останавливаясь детально на общеизвестных положениях в механизме получения доказательств при использовании нестандартных методов досудебного следствия, необходимо отметить, что иногда ни следователь, ни прокурор, ни тем более судья по различным обстоятельствам не всегда может распознать доказательства, которые были получены с применением незаконных методов или средств. Судья при изменении позиции подсудимого расценивает намерение последнего каким-либо способом избежать уголовной ответственности и не всегда прилагает усилий для выяснения истинного положения в уголовном деле. Такое отношение судебного корпуса к показаниям подсудимого, а временами вообще игнорирование его заявления является существенной судебной ошибкой [25, с. 80]. Отметим, что юридические ошибки при проведении досудебного следствия могут быть и не "казачьи", что ведет нас в плоскость профессионализма следователя и, отчасти, стечения конкретных обстоятельств при расследовании уголовного дела.

В настоящее время достижения науки в особой форме использования специальных знаний в судопроизводстве играют существенную роль по многим как обычным, так и "резонансным" уголовным делам. Последовательно отработав тактику использования заключения, защитник должен уделять проверке обоснованности выводов эксперта. Изучая заключение, адвокат устанавливает достаточно ли признаков, выявленных экспертом? Правильно ли оценены экспертом выявленные признаки? Не содержатся ли противоречия между последовательной частью заключения и выводами? Логично ли изложены фактические обстоятельства дела, которые относятся к предмету экспертизы? Защитник проверяет полноту использования представленных эксперту материалов и устанавливает, на все ли вопросы даны ответы.

Данную проблему авторы поднимали еще в конце 80-х годов прошлого столетия [26], но сегодня ее актуальность можно увидеть на примере всех известных "уголовно-политических дел" за последние несколько лет: от убийств известных журналистов до самоубийств и отравлений.

Защитник должен учитывать, что иногда допускаются ошибки в оценке сведений, вытекающих из выводов эксперта, нередко

отсутствуют ссылки в приговоре на этот источник доказательств, а подчас он просто игнорируется. Тщательному анализу подлежат не только выводы, но и заключение экспертизы в целом, правильность применения той или иной методики, произведенных расчетов, что не всегда соблюдается адвокатами при работе с доказательствами.

Успех обвинения в таких делах обусловлен недостатками законодательства, а иногда и прямым его нарушением с санкциями высоких чиновников, противоречивостью в различных нормативных актах, причем - разного уровня, что дает основания для двойственного их толкования. Все это открывает широкое поле для злоупотреблений и нарушений в судебно-следственной практике. Отсутствие на досудебном следствии реального, а не декларативного, принципа, осознанности является причиной некачественного следствия. До тех пор пока стороны в уголовном процессе не будут равны в своих правах, до тех пор органы следствия будут покушаться на нарушения закона, при этом мотивируя такие действия "интересами государства."

Хотя граждане имеют право получить от правоохранительных органов письменные пояснения по поводу ограничения их прав и свобод этими органами и обжаловать такие действия. На практике все выглядит значительно хуже. В этой связи, понимая высокую социальную значимость проблемы, некоторые авторы обосновывают свое видение института взыскания ущерба, причиненного физическим и юридическим лицам незаконными действиями оперативных подразделений СБУ, который по своей природе является гражданско-правовым, а по отраслевой принадлежности - комплексным [27, с. 41].

Рассматривая вопрос о формировании линии защиты в тенденциозных уголовных делах следует подойти в наших прогнозах еще ближе к краю. К наиболее типичным нарушениям следует отнести политические преследования, соединенные с насилием или обвинением в совершении общеуголовных деяний: получение взятки, злоупотребления служебным положением, мошенничество с финансовыми ресурсами, уклонение от уплаты налогов, вымогательство, активное участие в ОПГ и подобное. Особо тяжкие преступления, такие как убийство, причинение тяжких телесных повреждений или сексуальные насильственные преступления имеют место значительно реже, поскольку фальсификация таких уголовных дел должна иметь более серьезную

доказательственную базу для "создания" которой, как это ни парадоксально звучит, нужны профессионалы высокого класса, которых "под рукой" может в нужный момент и не быть или такие настоящие сыщики могут просто отказаться совершать подобную государственную подлость. Итак, если все же предпринимаемые адвокатом процессуальные методы не приводят к желаемому результату и "нужный" или "заказанный" обвиняемый продолжает находиться под стражей, отметим, что традиционная защита оказывается беспомощна в дальнейшем сражении.

Уголовно-процессуальное законодательство предоставляет право проверки уголовных дел лишь прокурору и начальнику следственного отдела. Такой порядок затрудняет, а порой и делает практически невозможным проведение проверки по жалобе адвоката, другого лица или сообщению о правонарушении (преступлении), совершенном следователем в связи с расследованием конкретного уголовного дела. В ходе проверок редко удается вскрыть весь пласт совершенных следователями правонарушений, созданных коррупционных или что еще сложнее - криминально-государственных связей. Виновные привлекаются в "лучшем случае" к дисциплинарной ответственности, либо не привлекаются вовсе, а "мирно" увольняются, уходят на пенсию. Как раз такая категория и служит своеобразным "резервом" адвокатов-нарушителей, что требует отдельного обстоятельного разговора и к чему мы, возможно, еще вернемся в своих последующих публикациях.

Следует отметить, что XX в. в целом, а особенно его вторая половина ознаменовалась такими эволюционными изменениями в уголовном законодательстве, судебной уголовной практике и в системе назначения наказаний как рекриминализация любых политических действий, которые не связаны с применением насилия. Комплекс мероприятий, которым пользуются правозащитные организации, является, как правило, несудебным, а следовательно - не находится в ключе адвокатской деятельности. Хотя, с другой стороны, освобождение заведомо невиновного человека при грубой работе "сиповиков", безусловно, подразумевает активную процессуальную и организационную работу адвоката-защитника. Итак, все официальные формально-процессуальные способы исчерпаны для оказания помощи конкретному лицу, которое обвиняется в совершении вроде бы конкретного и, как правило, вполне общеуголовного преступления.

Адвокат, будучи политически ориентированным гражданином и анализируя определенные обстоятельства (в каждом конкретном случае), видит что "собака зарыта" в политической плоскости. А что даже более вероятно - в финансовой составляющей этой политической плоскости. Что делать? Отказаться от дальнейшей защиты? Бросить все на самотек, так сказать "спустить на тормозах"? В конце концов, нам же еще жить в этой стране, а это всего-навсего клиент (не кум, не сват, не брат): значит так надо! Выбор дальнейшего поведения за каждым адвокатом. И советы здесь неуместны.

Оставаясь все же в юридической плоскости следует все же смотреть на "политические задачи" органов криминальной репрессии исключительно через процессуальные линии и опираться на такую модель, в которой правовые технологии приоритетны над политическими. Поэтому в этой статье мы не станем рассматривать непроцессуальные способы, которые применяют правозащитные организации, о чем есть некоторые публикации других авторов [28].

В последнее время уголовно-процессуальное право стало позволять строить теоретические конструкции относительно нетрадиционных ролей, мест, путей участия защитника в судопроизводстве. Мы подошли к вопросу об адвокатском расследовании, о чем далее и пойдет речь. К этой проблеме уже неоднократно обращались М.Ю. Барщевский, О.Я. Базев, Т.В. Варфоломеева, Л.Е. Владимиров, Н.И. Горд, Е.Г. Марьяничук, Н.Н. Нокребеюв, Н.В. Сибилева, В.Т. Томин, С.А. Шейфер и другие. Одни из них предлагают называть это параллельным расследованием [29], другие - частными расследовательными мероприятиями [30], адвокатским расследованием [31] или самостоятельным "расследованием" [17]. В последнее время за наименование "адвокатское расследование" выступает Н. Горд [32], но еще за это ратовал В.П. Даневский [33].

В теоретическом плане такой институт права как адвокатское расследование, являет собой совокупность правовых норм, различных по происхождению и отраслям, но связанных между собой предметом регулирования. Названный правовой институт, в частности базируется на нормах УПК Украины - к регламентации адвокатского расследования имеют отношение ч. 1 ст. 48, пп. 4, 5, 7, 8, 13 ч. 2 ст. 48, ч. 1 и ч. 2 ст. 65, ч. 2 ст. 66, ч. 2 ст. 68, ч. 2 ст. 75, ст. 78, ст. 82, ст. 83, ст. 219, ч. 2 и ч. 3 ст. 237, ст. 261, ч. 1 и ч. 2 ст. 304,

ч. 3 ст. 310, ч. 2 ст. 313, ст. 314, ч. 3 ст. 315, ст. 363, ч. 1 ст. 393 и п. 1 ч. 1 ст. 400-4 УПК України. Таким образом, прямо или косвенно к институту адвокатского расследования в отечественном уголовном судопроизводстве относятся более тридцати положений уголовного-процессуального закона. Более того, институт адвокатского расследования регламентируют также нормы Закона Украины "Об адвокатуре", где деятельности адвоката в сфере выявления, сбора и фиксации доказательств посвящена ст. 6 [34]. С одной стороны мы разделяем это мнение в том, что термин "адвокатское расследование" более отвечающий самому процессу, который самостоятельно проводит адвокат, тем более подчеркивая самостоятельность процесса еще с ранних стадий досудебного следствия, чем как бы ставится условный знак равенства между двумя противоборствующими видами одного процесса - расследования. А с другой стороны - это будет левый "перебор" с точки зрения противодействия преступности как негативному социальному феномену. Ведь силовые ведомства на то и силовые, что у них полномочий по логике соображений должно быть больше. Другое дело как они их используют. Но это уже в череду проблем еще один дополнительный вопрос, в который мы углубляться сейчас не станем, лишь подчеркнем, что введение адвокатского расследования в практику уголовного процесса может коренным образом изменить существующую модель правоохранительных органов. Оценка же эффективности этих изменений может быть обоснована уже после научного обобщения таких новаций.

Еще одним аспектом правовой работы адвоката является такое новое направление как рейдерство. Рейдеры - это специалисты по захвату собственности фирмы или по перехвату оперативного управления, с помощью специально созданного и разыгранного бизнес-конфликта [35, с. 7]. Они имеют, как правило, хорошее юридическое или экономическое образование.

Методы профессиональных рейдеров могут быть очень далеки от норм деловой этики, но чаще всего формально являются законными. Заказные убийства акционеров, собственников или руководителей, кражи документов и прямые угрозы считаются признаком дурного тона и практически не применяются, хотя достаточно часто может быть использован силовой захват и подкуп. Часто в конфликтных ситуациях по

переделу собственности используется сразу несколько способов нарушения бизнес-этики: одновременно может присутствовать политический аспект, "разборки" между совладельцами, ложное банкротство, черный PR и прочее. До недавнего времени рейдеры самостоятельно осуществляли все эти работы. Но сейчас, когда им противопоставит уже не просто юристы-адвокаты и менеджеры предприятий, а специалисты по работе с массовым сознанием, которые идут рука об руку с PR-технологиями. Но подробнее на технологических особенностях рейдерских технологий и способах противодействия мы остановимся ниже в параграфе 4 Главы 4 при рассмотрении деятельности адвоката по "заказным" уголовным делам.

Говоря о рейдерстве нельзя обойти вниманием проблему "финансового", "корпоративного шантажа" или "экономического террора", получившая название гринпейперство [35, с. 74]. Схема классического гринпейпа предполагает, что атакующая структура покупает на фондовом рынке небольшой пакет акций преуспевающей компании, после чего новоиспеченный акционер начинает публично критиковать руководство компании. А затем наступает черед жалоб в контролирующие и правоохранительные органы, а также судебных исков по любому поводу. Результатом такой деятельности является либо получение отступных за отказ от претензий, либо продажа своего пакета акций по завышенной цене. Вот и все.

Еще одним из наиболее эффективных способов захвата недвижимости рейдерства является ее вывод через исполнительное производство. Первым шагом реализации данной схемы является установление значительной кредиторской задолженности компании-собственника недвижимости перед агрессором, что достигается получением судебного решения, причем собственник чаще всего и не догадывается о существовании такого судебного процесса. С исполнительным листом кредитор обращается к судебному исполнителю, который накладывает арест на недвижимое имущество и организует его реализацию на торгах, где вынуждает компания, подконтрольная инициатору вывода недвижимости. Вывод активов по данной схеме адвокату крайне сложно оспаривать, так как она "легитимизирована" вступившим в законную силу судебным актом. Бывшему собственнику остается оспаривать законность проведенной реализации имущества судебным исполнителем или через адвоката пытаться ходатайствовать о пересмотре решения

суда в надзорном производстве или по вновь открывшимся обстоятельствам.

Рассматривая проблему рейдерства заметим, что в таких схемах все разложено по полочкам милиция не вмешивается, поскольку она уже "прикушена", прокуратура тоже, как говорят "в курсе", и в результате суды могут выносить абсолютно противоположные решения, которые реализуются руками "своих" судебных исполнителей. Не менее продажны и сотрудники других правоохранительных органов, исключение, возможно, составляет только СБУ, но рейдеры, как правило, к этой структуре индифферентны. Чем выше должность чиновника, тем выше гонорары.

Мне, как в прошлом работнику органов прокуратуры прискормно, но согласно данным различных экспертов по "аппетитам" лидирует в этом печальном рейтинге прокуратура: возбудить уголовное дело против руководства захватываемой компании стоит 20 от 100 тыс. долларов. А вот по легкости контакта и "народной" доступности пальма первенства находится в руках УБОП; уголовное дело здесь стоит до 10 тыс. долларов. Хотя все же следует отметить, что рейдерами эта структура нелюбима, так как работает она очень грубо и грязно: в ход идет подбрасывание задержанным оружия, наркотиков и прочего "стандартного компромата", порой не исключаются обвинения и попытки, уголовные дела, возбужденные этой "конторой" по заказу, в большинстве случаев, "штпы белыми нитками" и их "развал" не составляет особых процессуальных сложностей для адвоката. Но, к сожалению, для этого все-таки нужно время, длительность которого и играет в пользу "заказчиков". Отметим, что в фишгранности и излществе работы чемпионами по исполнению рейдерских заказов остаются те же ГС БЭП, где еще окончательно не утрачены "беловоротничковые" традиции советского ОБХСС и перестроенного ОБЭПП. Руками этой структуры фабрикаются, как правило, мотивированные и трудноразваливаемые уголовные дела. Подследственных здесь бьют редко, а могут во время следствия даже не лишать свободы, "мягю" выводя заказанного, находящегося в привычных для него условиях, из игры. Хотя и в ОБЭП также существуют корпоративные проблемы. Одной из них является отсутствие "своего" следователя, который, кстати, может быть как милицейским, так и прокурорским, а потому в зависимости от "разряда" его рекомендовано частично брать в долю, но, как

правильно, "в слепую", в большинстве случаев не посящая во все оперативные тонкости главной задачи. "Заказуха" в ОБЭП стоит от 10 до 50 тыс. долларов, а прекращение уголовного дела в любой из названных выше "контор" обходится еще дороже. Причем прекращение "бэшного" дела содержит в себе дополнительный скрытый внутренний полукорпоративный конфликт между следователем и оперативным руководством службы, что обусловлено различными формальными процессуальными итогами, что, кстати, редко учитывается на "финальной стадии" заказа, оставаясь самым открытым "белым пятном" уже в завершенной комбинации. А в прокуратуре и СБУ как раз такие проблемы, по большому счету сведены к минимуму, в чем проявляется преимущество корпоративной монополии: одни погоны, одна бухгалтерия, одно руководство, одна отчетность.

Дорогим инструментом рейдера являются процессуально обеспечительные мероприятия, применяемые судами. В рейдерской практике принципиальность и неподкупность судьи определяется предложенной ему суммой. Самые "неподкупные" судьи принимают "отморозенные" решения за взятку не менее чем в 30-40 тыс. долларов, в то время как большинство "обычных" судей в рассматриваемом контексте проблемы довольствуется суммой в 10-20 тыс. долларов.

Отдельно следует отметить так называемые "банкротные" составы суда, которые не удовлетворяются суммой меньше 100 тыс. долларов. Это связано с особенностями рассмотрения дел о банкротстве, где все решения принимает банкротный состав суда первой инстанции. Впрочем, рейдеры утруждают себя обращением в суд далеко не всегда, поскольку использовать поддельные судебные акты все же удобней. Дело тут вот в чем. Чтобы "отменить" такой документ надо, по-хорошему, возбудить уголовное дело и "получить" приговор суда по этому факту... А это может заняться надолго. По оценке экспертов, если собственник не выстраивает грамотной защиты от "пердела", то используемые схемы захвата подразумевают полную потерю контроля над активом в течение 15-20 дней. Для достижения этого активно используется и такая технология: "захватчик" инициирует серию судебных определений и, тем самым, фактически парализует работу предприятия. Истец добивается запрета на совершение менеджментом любых действий, суд арестовывает активы. Таким образом, "захватчики"

вынуждают акционеров продать контрольный пакет. Или достигается другая цель - "атакующие" заставляют менеджмент выкупить у них пакет акций по завышенной цене [35, с. 27, 41, 65-66, 156-157]. Поэтому лучшее решение - это построение компанией превентивной правовой защиты против недружественных поглощений, одним из элементов которой будет являться защита недвижимых активов компании.

Как мы убедились, без поддержки государства в лице судебной власти и силовых ведомств рейдерские схемы невыполнимы. Отсюда можно заключить, что рейдерство может быть на двух уровнях, причем на первом такая поддержка должна быть если не "королевской", то уж точно близко приближенной к трону, на втором же уровне "звезд" может оказаться меньше, поскольку в списке фигурируют только конкретные персоны: судья, прокурор, региональные руководители силовых ведомств. Вот так в Украине и наблюдается, наряду с теневой экономикой, процесс формирования "теневой юстиции", специализирующейся на обслуживании захвата предприятий у законных собственников, от чего все чаще страдают как раз, иностранные инвестиции.

Мы показали, что только четкая программа правовой защиты и представление о возможных рисках, связанных с владением недвижимостью, может стать мощным инструментом для блокирования действий возможного агрессора и защиты своих имущественных прав.

Затронутые в данной статье проблемы, но в более развернутом виде, мы попытались осветить в своей последней работе [36, с. 318-343], однако в современных условиях, безусловно, это требует отдельного фундаментального исследования, что без сомнения будет стимулировать развитие механизма повышения эффективности правосудия, а следовательно - способствовать росту авторитета украинского государства.

Список использованной литературы:

1. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. - Тарту: Тартуский ун-т, 1991.
2. Маличенко В.Т., Вернидубов І.В. Прокурор у кримінальному судочинстві: деякі проблеми та шляхи їх вирішення. - К.: Юрінком Інтер, 2001. - 240 с.
3. Литвак О.М. Державний вплив на злочинність. - К., 2000.
4. Маличенко В. Змагальність сторін у кримінальному судочинстві // Вісник прокуратури. - 2003. - № 1 (19). - С. 15-21.
5. Малицький С. Щодо визначення поняття "обвинувачення" // Вісник прокуратури - 2002. - № 5 (17). - С. 55-58.
6. Кримінологія: Словарь-справочник. / Сост. Х. - Ю. Кернер. Пер. с нем. Отв. ред. А.И. Долгова. - М.: Изд-во НОРМА, 1998. - 400 с.
7. Синьский О.В. Поиск политического ключа в тенденциях развития современной преступности в Украине: некоторые проблемы и размышления // Влада Людига. Закон - 2005. - № 9. - С. 52-60.
8. Старков О.В. Кримінологія: Учебное пособие. - М.: Экзамен, 2004. - 480 с.
9. Прыгунов П.Я. Психологическое обеспечение специальных операций: Оперативное внедрение. - К.: КНТ, 2006. - 472 с.
10. См.: Курочка М. Законність в оперативно-розшуковій діяльності - важлива форма охорони прав та свобод громадян // Вісник прокуратури - 2002. - № 2 (14). - С. 22-28; Курочка М. Теоретично-прикладні основи законності в оперативно-розшуковій діяльності // Вісник прокуратури. - 2001. - № 2 (8). - С. 24-29.
11. Подробнее об этой проблеме см., например: Сяблников П. Каждый нуждается в защите // эк-ЮРИСТ. - 2002. - № 14. - С. 7.
12. Захаров Ю., Сяблников П. В тени закона: коррупционные технологии при расследовании уголовных дел // Российская юстиция - 2005. - № 6. - С. 14-21.
13. Это выражение российских авторов Ю. Захарова и П. Сяблникова (См.: Захаров Ю., Сяблников П. В тени закона: коррупционные технологии при расследовании уголовных дел // Российская юстиция. - 2005. - № 6. - С. 14-21.) Поэтому никакие аналогии с цветами современного украинского политикума не проводить.
14. Исмаилова Л.Б. Деякі питання реалізації права на захист // Вісник Академії адвокатури України. - 2005. - № 1. - С. 99-105.
15. Большая Советская Энциклопедия. (в 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. - М.: Советская энциклопедия, 1975. - Т. 25. - 600 с.
16. Правознавство: Навч. пос. / Авт. кол.: Бичковський О.П., Бондар О.Г., Синьский О.В. та ін.; За заг. ред. С.М. Тютченка, Т.О. Коломоець. - Суми: ВТД: "Університетська книга", 2006. - 554 с.
17. См.: Зейканя П. Право на захист у кримінальному процесі: Практичний посібник. - К.: Юридична практика, 2004. - 288 с.

18. Филиппов В. Корпоративный интерес не должен ущемлять права на защиту // Российская юстиция. - 2002. - № 3. - С. 11-12.
19. См.: Дечено М.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации - М., 1997. - С. 287; Жалнинский А.Е. Осмотр в советском уголовном процессе. - Львов, 1961. - С. 30-31; Зинагулин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. - Казань, 1981. - С. 52, 110; Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. - 1968. - № 10. - С. 32; Карнович Г.В., Коршик М.Г. Расследование половых преступлений. - М., 1958. - С. 23; Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. - М., 1985. - С. 140-141; Проблемы судебной этики / Под ред. М.С. Строговича. - М.: Наука, 1974. - С. 142.
20. См.: Аленин Ю.П. Процессуальные особенности производства следственных действий. - К.: Центрально-Украинское издательство, 2002. - С. 212; Леоненко В.В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. - К.: Наукова думка, 1981. - С. 73; Марис Н.А. Некоторые тактические, психологические и этические аспекты освидетельствования потерпевших // В сб. Методика и психология расследования преступлений. - Свердловск, 1977. - С. 104; Меньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. - М., 1956. - С. 93; Москальова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). - М.: Спартак, 1996. - С. 64-66; Савитрова Н.М. Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. - М., 1980. - С. 5; Турбин Ю.Г. Освидетельствование в Российском уголовном процессе (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты): Практическое пособие. - М.: Экзамен, 2005. - С. 80.
21. Гуртієва Л.М. Забезпечення моральних цінностей особистості в кримінально-процесуальному законодавстві України при проведенні слідчих дій // Адвокат. - 2006. - № 8. - С. 15-18.
22. См.: Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1997. - С. 22; Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 50.
23. См.: Judgment of 18 January // Series A, no. 25, p. 91, para 20 and p. 66-67, § 29; Короткий путівник Європейською конвенцією з прав людини / Пер. з англ. Т. Іваненка та О. Павличенкаю - Львів: Кальварія, 2002. - С. 18.
24. Лудик А. Межі психологічного впливу на допитих // Вісник прокуратури. - 2002. - № 3 (15). - С. 93 - 95.
25. Спичко С. Юридичні наслідки слідчих помилок // Прокуратура. Людина Держава. - 2004. - № 6 (36). - С. 78-83.
26. См.: Войцеховская О.Б. Совершенствование гарантий обеспечения обвиняемому права на защиту при производстве экспертиз // Криминалистика и судебная экспертиза. - К.: КНИИСЭ, "Льбидь", 1987. - Выпуск № 34. - С. 22 - 26; Войцеховская О.Б. Тактика использования заключений экспертов при осуществлении защиты на предварительном следствии // Криминалистика и судебная экспертиза. - К.: КНИИСЭ, "Льбидь", 1989. - Выпуск № 39. - С. 32-36.
27. Міхуліна М. Щодо правової природи інституту відшкодування шкоди, завданої фізичною і юридичною особам незаконними діями оперативних підрозділів Служби безпеки України // Підприємництво, господарство і право. - 2004. - № 11. - С. 40-41.
28. Захаров Е. Подготовка акций и кампаний правозащитными органами акциями. // Права людини. - 2003. - № 1. - С. 8-11.
29. Баяв О.Я. О двух предложениях совершенствования профессиональной защиты от обвинения: проблемы судебной реформы // Юридические записки. - Воронеж, 1994. - № 1. - С. 85.
30. Барщевский М.Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. - М.: Юристъ, 2000.
31. Толкин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. - М., 1991.
32. Горя Н. Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. - 1990. - № 7. - С. 22.
33. Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. - К., 2003. - 142 с.
34. Закон України "Про адвокатуру" від 19.12.1992 р. // Відомості Верховної Ради України. - 1993. - № 9. - Ст. 62.
35. Зеркалов Д.В. Рейдеры: пособие. - К.: КНТ, 2007. - 188 с.
36. См.: Ситенко О.В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты: проблемы становления и перспективы развития: Монография. - Запорожье: ЗНУ, 2007. - 432 с.